

Ковеленов Ю.П.
Юрий Петрович

1986/II

Неделя, 1986
17-23 фев. в 8

наша гостиная

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА

После традиционной изобразительной и музыкальной заставки программы «Время» мы часто видим на телеэкране диктора Юрия Ковеленова. «Здравствуйте, товарищи!» — говорит он сердечно и внимательно, словно видит каждого зрителя в эти ответственные минуты, когда начинает знакомить многомиллионную аудиторию Центрального телевидения с важнейшими новостями в жизни страны и планеты. Слушать его интересно, видеть приятно: одухотворенный, обаятельный, артистичный, он вкладывает душу и разум в свое открытое для всех творчество. На этих днях по приглашению «Недели» Юрий Петрович КОВЕЛЕНОВ навестил нашу гостиную.

— Трудная у вас работа, Юрий Петрович. Первым обнародовать известия государственного масштаба — какая требуется подготовка! Скажите, пожалуйста, как вы готовитесь к выходу в эфир?

— Готовлюсь непрерывно, посвящая этому все возможное время. Серьезнейшие документы, сообщения, решения, указы необходимо донести до слушателей безошибочно и предельно внятно. В тексте могут встретиться фамилии, названия, термины и понятия, которые не должны быть неизвестными диктору; следовательно, внимательнейшим образом ежедневно прочитываю всю центральную прессу, причем и в те дни, когда мне предстоит работать в эфире, и в дни, когда работают коллеги. Систематически тружусь над словарями: произношение, ударения, транскрипции — все это надо изучить досконально. У меня дома целая библиотека словарей, в том числе разных языков: диктор не обязательно полиглот, но не запинаться, встретив в тексте иностранное название, обязан.

— Нужна и духовная, эмоциональная, нравственная готовность к передаче, тем более такой ответственной.

— Безусловно! Мало прочесть сообщение правильно. Его нужно подчеркнуть своим гражданственным отношением — самыми скупыми средствами, в рамках дикторского образа, но достаточно вырази-

тельно. Экран — своего рода увеличительное стекло; вам, зрителям, все видно самым крупным планом — и выражение глаз выступающего, и его настрой, его духовная причастность к событиям, о которых он рассказывает.

— А бывают у дикторов споры, как произносить то или иное слово?

— Не то чтобы споры. Например, по нынешним правилам фонетики слово «энергия» вроде бы полагается произносить с явным «е» после смягченного «н». А мне кажется, что это слово, обретшее столь высокий смысл в годы первых пятилеток, лучше звучит так, как его произносили в те годы: «ээнергия», с твердым «н» и с «э» после него. Как и «тем» с твердым «т». Но это частности.

— Вас, говорят, можно поздравить с некоторыми датами: четверть века в эфире и 20 лет на Центральном телевидении. Вы пришли в систему Гостелерадио из театра, были до этого актером?

— Нет, токарем. После десятилетки пошел на завод, выучился на токаря, получил 4-й разряд. Работал на станках «ДИП-200», «ДИП-300», «К-62», делал самые разные детали. Например, валики к стиральным машинам «Сибирь». Но к те-

атру имел отношение — к самодеятельному. В молодежном театре Куйбышевского района Омска под руководством диктора радио Юрия Воронова ставили спектакли «Якорная площадь», «Свидание у черемухи», и у меня были главные роли. Еще и пел в концертах — «До чего ж ты хороша, сероглазая...» Записали несколько радиоспектаклей, один из которых и теперь передает иногда Омское радио. Я учился в автомеханическом техникуме, когда получил предложение поступить в дикторы.

— При сценической практике оно не было, наверное, неожиданным.

— Да, но профессия казалась не слишком основательной. То ли дело автомеханик! Отец мой умер рано; нас у мамы, Екатерины Васильевны, было пятеро... Впрочем, зимой 1961 года, получив приглашение на радио, я на разные варианты пробовал: «Говорит Омск!». И отважился, пошел в дикторы.

— Ну, а из Омска — на ЦТ?

— Не так скоро. Была армейская служба. Стал комсоргом части, был отмечен Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Однажды вел концерт армейской самодеятельности, и меня заметили присутствовавшие на нем представители телевидения областного центра, близ которого располагалась часть. Позвали на телевидение; обратились к нашему командованию, и меня стали отпускать на передачи. Перед выходом в эфир надевал белую рубашку с галстуком и пиджак, но оставался в галифе и сапогах (их же не видно на экране). Завершилась воинская служба — остался в тех краях диктором ТВ. А в 1965 году проводился всесоюзный семинар дикторов в Москве, на Шаболовке. И художественный руководитель семинара, Юрий Семенович Ярцев, посоветовал попытать счастья на конкурсе дикторов Центрального телевидения. Ольга Сергеевна Высоцкая со мной занималась. Вышел я на последний тур конкурса — дрожь в коленях, рот раскрыть не решаюсь. Ольга Сергеевна из-за стола комиссии подбодряла: «Юра, вспомните наши уроки!» Я ожил...

— Какие правила вы твердо определили для себя в работе?

— Прежде всего бросил курить. По-нял, что надо быть по отношению к себе предельно критичным, не считать, что это очень просто — объявить следующую передачу. При самоуверенности как раз и получается, что диктор объявляет: «Отрывок из романа Фадеева «Последний из Улан-Удэ»... А диктору полезно прочесть роман «Последний из удэ» и очень многие другие произведения. Учиться надо!

— Где учились вы, в каком вузе?

— Окончил факультет журналистики Высшей партийной школы.

— Так вы коллега! К какому журналистскому жанру тяготеете?

— К репортажам, к поиску необычных деталей в судьбах героев этих репортажей. Скажем, готовя сценарий передачи для поляриков, выяснил, что участница передачи Вера Дулова летала с арфой на СП-3, что на дрейфующей станции была и Людмила Зыкина, что Герард Васильев родился на острове Вайгач...

— Вы ведь ведете концерты и в праздничных залах столицы?

— Почему только столицы? И на БАМе! Вот читаю в газете о Северомуйском тоннеле — а ведь я там был, там мои друзья-строители. Я счастливый человек: в Хатанге был, на Кольском полуострове, весь наш Дальний Восток объездил. В Ставрополе на конкурсе стригалей овец даже в юрии вошел. Как и в «Неделе», в юрии на конкурсе галстуков...

— Дети пойдут по вашим стопам?

— Они-то, может, и смогут пойти, а вот я по их стопам уже не смогу... Моя дочь Марина — солистка балета Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Танцует в «Витязе в тигровой шкуре», в «Хованщине», в новом спектакле «Броненосец «Потемкин». Хорошая девочка, самостоятельная, одна беда: для балерины высоковата. Тут уж ничего не поделаешь, наследственность. Когда-то в ученические годы мы выставляли в баскетбол сборную Ковеленовых против сборной остальной 37-й школы Омска...

В гостиной дежурил
Эдуард ЦЕРКОВЕР.